

болѣе отгѣнилъ способность Несчастливца въ добросовѣстныхъ увлеченіяхъ собственными фантастическими вымыслами, его исполненіе выиграло бы въ правды и ясности. Слишкомъ прямолинейное толкованіе роли невольно ставитъ иногда артиста въ затруднительное положеніе. Напр., въ 4-мъ актѣ, въ сценѣ съ Аксешей, г. Рыбакову трудно сразу найти подходящій тонъ для фразы: «Ангелы Божіи, покрѣйте ее своими крылами». И это понятно: разъ артистъ проводитъ рѣзкую грань между Несчастливцевымъ-трагикомъ и Несчастливцевымъ-человѣкомъ, онъ долженъ по необходимости ощущать пеловозость тамъ, гдѣ естественный и театралный пафосъ тѣсно сопрягаются и переплетаются между собой. Лучше всего удался Рыбакову 4-й и 5-й акты. Его простота и искренность даже выгнали здѣсь нѣкоторый недостатокъ внутренней силы.

Вторую главную роль въ пьесѣ играетъ г. Садовскій. Артистъ этотъ обладаетъ безспорнымъ и крупнымъ дарованіемъ, стяжавшимъ ему большія симпатіи со стороны московской публики, которыя особенно ярко выразились на его юбилейномъ бенефисѣ. Но въ игрѣ г. Садовскаго, особенно при исполненіи имъ ролей комическаго характера, есть одинъ серьезный недостатокъ. У этого артиста есть склонность придавать многимъ ролямъ характеръ напускной шутовскости. Г. Садовскій иногда изображаетъ лицо не такимъ, каково оно въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ оно было-бы, еслибы стало притворяться или балагурить. Персонажи, воплощаемые имъ на сценѣ, часто говорятъ и дѣйствуютъ какъ будто не въ серьезъ, а такъ—нарочно, для шутки. Въ иныхъ случаяхъ это вполне уместно, но нѣкоторымъ ролямъ эта склонность артиста придаетъ невѣрную, фальшивую окраску. Намъ приходилось уже указывать на это въ прошломъ году, по поводу игры г. Садовскаго въ пьесѣ Гославскаго «Расплата», гдѣ, совершенно не къ мѣсту, г. Садовскій былъ черезчуръ развязнымъ балагуромъ и весельчакомъ. Это свойство артиста отчасти дало себя знать и въ роли Счастливицева.

Видѣть въ Аркашкѣ только плутоваго весельчака и балагура — большая ошибка. По вѣншимъ своимъ проявлен-

іямъ онъ, пожалуй, и таковъ; но по существу своему это, прежде всего, жалкій человѣкъ. Есть на свѣтѣ безталанные неудачники, до такой степени забытые и задержанные жизнью, людьми и обстоятельствами, что они совершенно теряютъ всякую почву подъ ногами и ко всему, не исключая самыхъ свѣрхныхъ для нихъ положеній, начинаютъ относиться съ тою «нето насмѣшливостью, нето робостью», съ тою «нето печальной, нето веселой улыбкой», въ которыхъ самъ Островскій видитъ глубоко-характерную черту Счастливицева. Смѣхъ такихъ людей вытекаетъ не изъ ихъ внутренней веселости; это—своего рода непроизвольная маска, съ одной стороны—наиболѣе удобная по отношенію къ окружающимъ, а съ другой—наиболѣе утѣшительная для остатковъ собственного самолюбія: «дескать, самъ надо всѣмъ смѣяться, — и надъ другими, и надъ собой, — и никто ужъ, значить, ни посмѣяться надо мной, ни оскорбить меня не можетъ». Наряду съ этимъ смѣхомъ тлѣлая, собачья жизнь вырабатываетъ въ такихъ людяхъ и цѣлый рядъ другихъ свойствъ — непривлекательныхъ, низменныхъ, рабскихъ, хотя, можетъ быть, и вполне простительныхъ—лукавство, способность дѣйствовать изъ-за угла, вымещать накопленное годами озлобленіе на людей, которые не сдѣлали изъ ничего дурного, быть холодами передъ сильными и нахалами въ отношеніи слабѣйшихъ и т. д. Словомъ—типъ скорѣе жалкій, чѣмъ смѣшной или жизнерадостный.

Къ этому типу принадлежитъ и Аркашка. И въ немъ есть симпатичныя, человѣческія черты. Не одна только животная, низменная сторона живетъ и дѣйствуетъ въ немъ. Помните, какъ онъ убѣждалъ отъ своего дяденьки, гдѣ ему было тепло и привольно, предпочитая путешествовать въ 30-тиградусный морозъ, завернутымъ въ коверъ. Очевидно, у него есть какія-то смутныя стремленія къ другой, менѣе одичалой жизни. Но всѣ эти стремленія задавлены нищетою, неудачами, собственнымъ безплемемъ, презрительнымъ отношеніемъ къ нему людей. И онъ сталъ опускаться все ниже и ниже, озлобился противъ людей, и на лицѣ его застыла полупрезрительная, полуробкая улыбка. Нѣтъ! Счастливицевъ, прежде